

«ШАГИ» ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ¹

“Steps” of Characters in Prose of Leo Tolstoy and His Contemporaries: Comparative Statistical Analysis of Author’s Lexical Compatibility²

Михаил Юрьевич Мухин

mikhail.mukhin@urfu.ru

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Николай Юрьевич Мухин

nfly2011@yandex.ru

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Mikhail Yu. Mukhin

mikhail.mukhin@urfu.ru

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

Nikolay Yu. Mukhin

nfly2011@yandex.ru

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 17.08.2021

Fecha de evaluación: 18.12.2021

Cuadernos de Rusística Española n° 17 (2021), 67 - 76

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена возможностям формализованного анализа индивидуально-авторской лексической сочетаемости в классической русской прозе. Цель представленного исследования — с использованием лексико-статистических методов выявить идиостилевые синтагматические характеристики романов Л. Н. Толстого в сопоставлении с творчеством современных ему писателей. На материале объемного корпуса произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и А. П. Чехова (4 млн. текстоформ) проведено сопоставление контекстов слов, которые часто используют все авторы. В набор этих слов входит существительное «шаг», имеющее наибольшее, по сравнению с

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00104, «Формализация индивидуальной лексической сочетаемости как средство описания идиостилей: корпусное сопоставительное исследование классической прозы XIX в.».
2. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-012-00104 «Formalization of individual lexical compatibility for idiostylistic profiling: a corpus-based comparative study of the 19th century classical prose».

произведениями других писателей, количество оригинальных контекстных партнеров в романах Л. Н. Толстого. Единицей анализа является биграмма — пара слов, употребленных в одной фразе. Проведенный анализ показывает идиостилевые особенности авторской лексической синтагматики в творчестве Л. Н. Толстого на фоне текстов его современников. Большое количество оригинальных признаков походки в его романах определяет и количественное, и качественное значение отмеченных контекстов для художественной характеристики персонажей. Таким образом, представлен статистически обоснованный идиостилевой фрагмент индивидуально-авторской лексической синтагматики.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, лексико-статистический анализ, лексическая сочетаемость, синтагматика, стилометрия, идиостиль.

ABSTRACT

The article is devoted to a formal analysis of idiostylistic lexical compatibility in classical Russian prose. The aim of the research is to study idiostylistic syntagmatic characteristics in L. N. Tolstoy's novels compared and contrasted against his contemporary authors. A comparison of contexts for frequently used words has been conducted regarding the extensive corpus of works by L. N. Tolstoy, F. M. Dostoyevsky, I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, and A. P. Chekhov (4 million tokens). The noun "шаг" [step] is one of these words, which has the greatest number of original contextual partners in Leo Tolstoy's novels as opposed to other writers. The unit of analysis is a bigram — a pair of words used in a single phrase. The analysis shows distinctive idiostylistic features of Tolstoy's lexical syntagmatics as compared to the texts by his contemporaries. Another distinctive feature is a large number of original attributes of 'walking' in his novels which defines quantitative and qualitative importance for literary characterization of a person. The study presents statistically proved piece of idiostylistic lexical syntagmatics.

Keywords: Leo Tolstoy, lexico-statistical analysis, lexical compatibility, syntagmatics, stylometry, idiostyle.

ВВОДНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

В замечательной работе «О языке Толстого» (1939 г.) В. В. Виноградов последовательно отметил и рассмотрел языковые особенности толстовской прозы 50–60-х гг. (преимущественно «Войны и мира»), которые потом, с утверждением термина «идиостиль», обретут наименование «идиостилевые черты». Указывая на использование автором галлицизмов, «калькирования французских фраз», т. е. элементов французского синтаксиса; областной, поместно-дворянской и крестьянской лексики; приема «скольжения» речи по разным субъектным сферам; особых форм экспрессивного выражения, В. В. Виноградов отмечает их как «характерные» для Толстого признаки (иногда в сравнении с другими авторами), сопровождая изложение иллюстративными примерами и усиливая его экспрессивными оборотами: «с необыкновенной художественной глубиной и с поразительным разнообразием», «с поразительной силой», «с поразительным искусством», «с необыкновенной реалистической точностью», «с необычайной художественной силой», «с необыкновенной яркостью», «с необыкновенной остротой» и под. (Виноградов 1939).

В. В. Виноградов, однако, не показывает, насколько приемы эти характерны и насколько отличны от других авторов, и, хотя много позже в монографии «Проблема авторства и теория стилей» им сказано, что «применение лингвостатистических наблюдений и исследований... очень плодотворно...» (Виноградов 1961: 205), количественно-статистическая доказательность еще не приобрела должного веса и не заняла должного места в филологии его времени. С сожалением нужно сказать, что и до сих пор в исследованиях, касающихся идиостилевых особенностей какого-либо автора, филологи очень редко пользуются возможностями пусть даже простого

количественного подсчета как аргумента, обходясь только констатацией наблюдаемых явлений, определяемых как «свойственные», «характерные», «типичные», «довольно частые» и т. д. Подобным образом среди особенностей идиостиля Л. Н. Толстого рассматриваются, например, языковые инновации и «прием затрудненной формы» (Архангельская 2014, 2015), субстантивы или антитеза (Блохин 2013), способы языковой реализации концепта «дом» (Ланская 2010), фразеологизмы (Ломакина 2016), компаративы (Сидорова 2002), лексические средства создания персонажа (Шаповаленко 2009) и др. В то же время более строгая статистическая обработка материала и, кроме того, идиостилевое сопоставление, могут придавать новый импульс филологическому анализу и способствовать его объективации.

Исследование, представленное в данной статье, проведено в рамках лингвистического проекта Уральского федерального университета (Россия, Екатеринбург), предполагающего формализованное изучение лексической сочетаемости в русской классической прозе XIX в. Проект связан с лексико-статистическим обоснованием идиостилевых характеристик индивидуально-авторской синтагматики, обогащающей текст новыми смыслами (Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. 2020). Сочетание методов сравнительно-статистического анализа, корпусной лингвистики и лексической идеографии дает возможность по-новому взглянуть на идиостили писателей-классиков и скорректировать традиционные филологические представления.

Цель статьи — выявление ряда идиостилевых особенностей лексической сочетаемости в романах Л. Н. Толстого на фоне произведений его знаменитых современников — Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Сопоставительный анализ особенностей авторской лексической сочетаемости, в частности, демонстрирует особое внимание Л.Н. Толстого к характеристикам походки персонажей, что выражается, как будет показано ниже, в использовании особых и многочисленных определений слова шаг (шаги). Отдельными задачами исследования являются обоснование сопоставительной модели исследования авторской синтагматики и ее единиц, выборка синтагматического материала, количественное сопоставление контекстных параметров слова шаг (шаги) в прозе Л.Н. Толстого и др. авторов и, наконец, филологическое обобщение полученных данных.

Заметим, что идиостилевые признаки понимаются нами в том числе как отклонение от привычной традиции (Григорьев 1979: 148), от параметров, свойственных творчеству других авторов (Мухин 2010: 27–36), и как индивидуальная трансформация языковых выражений (Пищальникова 1992: 47) — особенно в тех случаях, когда наличие большого количества зафиксированных случаев у одного автора соответствует абсолютное отсутствие таковых у другого. Исходя из этого «аргумент от статистики» — количественное сопоставление, позволяющее оценить частотность и предпочтительность употребления автором тех или других языковых единиц, мы считаем обязательным. Неслучайно в таком количестве приведены выше экспрессивные выражения, свойственные В. В. Виноградову; сам он назвал бы их «характерными» (в работе «О языке Толстого» этот определитель использован 34 раза); в то время как синоним типичный для него «не типичен» и употреблен лишь однажды.

МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В лингвистических работах часто используются близкие термины «индивидуальная сочетаемость слов», «авторская синтагматика» и т. п., которые до недавнего времени было трудно системно аргументировать. Об аспектах рассмотрения лексической сочетаемости — как в словарях сочетаемости, так и в многочисленных идиостилевых исследованиях, а также в компьютерной лингвистике — см. (Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. 2021). Как пишет Е. В. Задорожнева, «для того, чтобы построить речевую цепь <...> говорящий и пишущий вынуждены не только отобрать нужные единицы языка <...> но и поставить их в ряд одну за другой, учитывая законы языковой структуры и сочетаемостные возможности» (Задорожнева 2007: 72). Но, к сожалению, ни словари, ни частные филологические наблюдения не позволяют представить сочетаемостные возможности языковых единиц, синтагматические феномены достаточно системно. С другой стороны, решаемые сегодня задачи статистического анализа сочетаемости для снятия многозначности в сфере информационных технологий (например, при осуществлении машинного перевода), приводят к выявлению не индивидуальных, а общезначимых стилистических явлений.

Полагаем, что объективировать субъективное восприятие авторского стиля и такой объемной его составляющей, как лексическая сочетаемость, позволяют статистические сопоставления на основе текстовых корпусов. В качестве синтагматической единицы в нашем анализе принята лексическая биграмма — пара слов, извлеченных из одного фразового контекста. Например, в предложении За дверь слышались шаги в туфлях и крики (Л. Н. Толстой, «Война и мир») рядом со словом шаги (шаг) употребляются следующие слова знаменательных частей речи: дверь, слышаться, туфля, крик. Биграммы (шаг — дверь, шаг — слышаться, шаг — туфля, шаг — крик и т. д.) неоднородны с точки зрения силы семантической связи, однако их авторский массив, определенный с помощью сопоставительного идиостилевого анализа, представляет собой уже неслучайную выборку, отражающую стиль писателей-классиков. На материале корпуса классической прозы проведен сопоставительный статистический анализ лексических биграмм, характерных для творчества каждого из авторов и в то же время не характерных для других писателей.

Материалом для настоящего исследования послужили романы Л. Н. Толстого («Семейное счастье», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»), И. А. Гончарова («Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”», «Обломов», «Обрыв»), И. С. Тургенева («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети»), а также все прозаическое наследие А. П. Чехова (объем исследовательского корпуса — около 4 млн. текстоформ). При формировании массивов авторских лексических биграмм были реализованы следующие параметры:

- 1) два слова употребляются в одном предложении и находятся друг от друга на расстоянии не более пяти слов (таких лексических биграмм в корпусе 1 674 948);

- 2) одним из членов пары является слово, часто употребляемое всеми авторами в разных текстах (этот критерий необходим, чтобы уравнивать синтагматические возможности всех авторов и выявить различия в употреблении одних и тех же слов) — в этот список попадают самые частотные слова знаменательных частей речи;
- 3) лексическая биграмма неоднократно употребляется в разных текстах одного автора и при этом не характерна для других авторов (всего таких авторских биграмм 1475 (около 8500 контекстов), они повторяются в произведениях одного писателя от нескольких раз до нескольких десятков раз.

Одним из частотных слов, соответствующих второму требованию, является слово шаг. Предварительные наблюдения обнаружили особые случаи сочетаемости и наибольшее количество оригинальных контекстных партнеров этого существительного в произведениях Л. Н. Толстого, а не других писателей. Эти, как было сказано выше, «отклонения от параметров» прочих авторов касаются различных форм слова шаг (в том числе шаги, шагом — в значении существительного). Для сопоставительного анализа у всех пяти авторов сплошной выборкой была выделена сочетаемость этого слова со всеми возможными определениями-распространителями, характеризующими ходьбу, походку, т. е. передвижение как физическое реальное действие. При этом не учитывалось использование существительного шаг в следующих значениях: 4. перен. Действие, поступок. 5. перен. Один из последовательно сменяющих друг друга моментов в каком-н. процессе, явлении. 6. Повторяющееся расстояние между какими-н. элементами, деталями (спец.) (*значения приведены по Толковому словарю русского языка под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 2006*). Иными словами, для рассмотрения были отобраны только сочетания, относящиеся к описанию движения человека. Отметим, что каких-либо семантических и стилистических различий в употреблении единственного и множественного числа слова шаг в прозе XIX в. выявлено не было.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА

Итак, в результате обобщения и структурирования полученного материала было обнаружено, что наибольшее разнообразие в характеристике шагов, манеры ходить наблюдается именно у Толстого (64 различных определения): быстрым шагом, тяжелыми, большими, неслышными шагами и т. д. У Чехова находится 25 определителей, у Достоевского — 26, Гончарова — 37, Тургенева — 14. Всего в целом зафиксировано 102 слова — это имена прилагательные и небольшое количество причастий, у которых глагольная семантика в контексте со словом шаг/*шаги* обычно редуцируется (ср.: уторопленный, крадущийся, ослабевший). Разумеется, различные контекстные партнеры существительного шаг «пересекаются» у авторов (т. е. встречаются в произведениях хотя бы у двух из них), но есть и «уникальные» — таковыми мы называем слова, использованные только одним автором.

Как правило, уникальные относятся к «случайным» (статистический термин) употреблением и использованы единожды тем или иным автором, как, например,

звонкие шаги, кошачий шаг у И. А. Гончарова: Это какой-нибудь сонный португалец или португалка, услышав звонкие шаги по тихой улице, на минуту выглядывали, как в провинции <...> («Фрегат “Паллада”»); Он заметил еще появляющуюся по временам в одну и ту же минуту двойную мину на лице, дрожащий от улыбки подбородок <...> наконец мягкий, неслышимый, будто кошачий шаг («Обрыв»).

В текстах Л. Н. Толстого встречаем уже фактически прилагательные, а не причастия падающие, ковыляющие (шаги): — Не...е...т, — проговорил сквозь зубы Долохов, — нет, не кончено, — и, сделав еще несколько падающих, ковыляющих шагов до самой сабли, упал на снег подле нее («Война и мир»).

Никто, кроме Чехова, не использовал определители лебединый и шумный: Мамаша спорхнула с колен папаша, и ей показалось, что она лебединым шагом направилась к креслу («Папаша»); Он стал забываться, как вдруг опять чьи-то шаги, *но не робкие, а быстрые, шумные* («По делам службы»).

Только у Достоевского находим слова крадущийся и ослабевший: ...каждый раз сначала растворял дверь, просовывал голову <...> и потом уже на цыпочках, медленно, крадущимися шагами подходил к креслу, так что иногда невзначай пугал своего жильца («Идиот»); Тихим, ослабевшим шагом, *с дрожащими коленями и как бы ужасно озябший воротился Раскольников назад и поднялся в свою каморку* («Преступление и наказание»).

Наконец, Тургеневым использованы уникальные определения уторопленный и молодой: И Лемм уторопленным шагом направился к воротам <...> («Дворянское гнездо»); Вместе с ним, казалось, еще оставались в воздухе и звуки молодого голоса, и шум легких, молодых шагов, *и теплота*, и свежесть молодого девственного тела («Накануне»).

С точки зрения художественности эти употребления не случайны: уникальность, единичность свидетельствует о тщательной работе автора со словом, о стремлении найти единственно верное, но такие случаи статистической ценности, значимости не имеют; как и тогда, когда употреблений несколько, но мало. Уникальных, не используемых другими авторами определителей у Толстого встречается 35, у Чехова — 8, Достоевского — 6, Гончарова — 13, Тургенева — 7. В этом отношении Толстой резко отличается от всех остальных, а возможное возражение, отсылающее к большому объему корпуса его текстов, не имеет принципиального значения: слишком велик разрыв с другими; кроме того, у Толстого индивидуально-авторские слова преобладают и в абсолютном исчислении, и в процентном — более половины от всех им употребленных: молодецкий, плывущий, старушечий, гневно-быстрый, отчаянно-решительный, *приличный, веселый, непривычно-поспешный, недовольный, усталый, мужской, ожидаемый* и т. д.: Из передней Берг плывущим, нетерпеливым шагом вбежал в гостиную и обнял графа, поцеловал ручки у Наташи и Сони и поспешно спросил о здоровье мамаша («Война и мир»).

Таким образом, мы признаем особенностью идиостиля Толстого разнообразное, широкое использование характеризующих определений слова шаг/шаги, в том числе и уникальных, отсутствующих у других авторов. Кроме того, у Толстого есть словоупотребления, которые следует признать полноценными идиостилевыми признаками, хотя абсолютно уникальными они не являются. Рассмотрим самые значимые из них.

Во-первых, это определитель решительный, который Толстой использовал 19 раз: Она быстро оделась, сошла вниз и решительными шагами вошла в гостиную, где, по обыкновению, ожидал ее кофе и Сережа с гувернанткой («Анна Каренина»); из кабинета зазвучали другие, твердые, решительные шаги: *это был Наполеон* («Война и мир»). У Чехова и Достоевского это прилагательное употреблено единожды, дважды у Гончарова — то есть у них оно находится в спектре случайных употреблений. У Тургенева этого определителя нет вообще.

Во-вторых, легкий (у Толстого — 22, у Достоевского нет вообще) и большой (у Толстого — 16, у Чехова такая сочетаемость отсутствует): Варенька, услышав голос Кити и выговор ее матери, быстро, легкими шагами подошла к Кити («Анна Каренина»); Генерал с повязанною головой, как будто убегая от опасности, нагнувшись, большими, *быстрыми* шагами худых ног подошел к Кутузову («Война и мир»). У других авторов эти слова либо значительно уступают количественно, либо вообще случайны.

Наконец, самым излюбленным, характерным для Толстого определителем слова шаг, является прилагательное быстрый. Здесь количественная разница очень велика: в четырех романах он использовал это слово 71 раз и, что существенно, достаточно равномерно по периодам творчества и объемам произведений: 35 в «Войне и мире», 18 в «Анне Карениной», 18 в «Воскресении»: Пьер быстрыми шагами ходил между народом, оглядывая разные лица, попадавшиеся ему («Война и мир»); Анна отняла эти руки, еще раз поцеловала его мокрое лицо и быстрыми шагами вышла в дверь («Анна Каренина»); Скинув все мокрое и только начав одеваться, Нехлюдов услышал быстрые шаги, *и в дверь постучались* («Воскресение»). К этому количеству можно добавить еще и единичные гневно-быстрый и быстрый-быстрый: Выйдя гневно-быстрыми шагами на крыльцо, Растопчин поспешно оглянулся вокруг себя, как бы отыскивая кого-то («Война и мир»); Только что она вышла, быстрые-быстрые легкие шаги зазвучали по паркету <...> («Анна Каренина»).

У других авторов лексическая биграмма быстрый — шаг встречается несравнимо редко: у Чехова 3 раза, у Достоевского — 8, Гончарова — 1, Тургенева — 5. Однако же встречается и потому не может служить абсолютным «различителем», опознавательным знаком авторства Толстого в сопоставлении с ними; тем не менее огромный разрыв в частоте употребления позволяет считать этот случай авторской синтагматики несомненным идиостилевым признаком. Вспомним, что писатель любил возвращаться к изображению определенных внешних характеристик героя (таковы, например, глаза княжны Марьи); в то же время описание шагов не является приметой какого-то конкретного персонажа. Особенность походки — достаточно универсальный человеческий признак, на который постоянно обращает внимание автор.

Наверное, склонность Л. Н. Толстого к таким характеристикам движения, как быстрый, бодрый (единожды встречается только у Гончарова), решительный, легкий, большой неслучайна; здесь есть возможности для интерпретаций, но, во всяком случае, эти определения соотносятся с такими ключевыми представлениями о художественном мире и личности Толстого, как динамика, интенция и масштаб. Сюда же к частотным, излюбленным словам можно присовокупить и толстовские

уникальные, индивидуально-авторские определения упругий, отчаянно-решительный, энергический шаг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделаем выводы. В сравнении с другими авторами для Л. Н. Толстого наиболее характерна сочетаемость слова шаг с прилагательными-определителями, в то время как, например, у А. П. Чехова чрезвычайно частотна сочетаемость с глаголами сделать и отступить, наречиями вперед и назад: Она сделала шаг вперед, *подумала и бросилась к Егорову* («Зеленая коса»); Появление его было так неожиданно, что дядя вздрогнул и отступил шаг назад («Тайный советник»). А Ф. М. Достоевский очень часто употребляет слово шаг в значении «меры расстояния», поэтому типичная сочетаемость у него с числительными: Сад был маленький, но хозяйский домишко все-таки стоял от них не менее, как шагах в пятидесяти («Братья Карамазовы»); Шагов еще за тридцать Николай Всеволодович отличил стоявшую на крылечке фигуру высокого ростом человека <...> («Бесы»).

Сочетаемость слова шаг у Толстого, в отличие от других авторов, намного разнообразнее за счет использования значительно большего количества (35) уникальных, индивидуально-авторских определителей, не встречающихся у других писателей: привычный, упругий, отчаянно-решительный, энергический, спокойный, следующий, небыстрый, послышавшийся, быстрый-быстрый, скрипящий, всхлидывший, грузный, неверный, босой, вертлявый, неловкий, молодецкий, плывущий, нетерпеливый, старушечий, торжественный, недовольный, усталый, приличный, веселый, непривычно-поспешный, мужской, ожидаемый, остановившийся, ленивый, гневно-быстрый, стремительный, падающий, ковьяляющий, подвигавшийся. Сочетания с прилагательными решительный, легкий, большой, быстрый, не являющиеся уникальными для текстов именно Л. Н. Толстого, мы считаем тем не менее идиостилевыми признаками в силу как количественно несравнимого перевеса, так и отсутствия в текстах кого-либо из авторов. Характеристика походки — частный, но важный и вполне заметный прием художественной характеристики персонажа, а синтагматический анализ показывает, что он типичен именно для творчества этого писателя, в отличие от его знаменитых современников.

Полученные результаты позволяют представить идиостилевой фрагмент индивидуально-авторской лексической синтагматики в романах Льва Николаевича Толстого. Одна конкретная биграмма крайне редко может быть признана читателями и филологами безусловно авторской, однако из множества подобных синтагматических предпочтений складывается система индивидуальной лексической сочетаемости, основанная на повторяемости фактов и сопоставлении творчества разных писателей. В таком ключе мы видим возможность формализованного изучения авторской синтагматики, которая при обычном читательском восприятии текста «рассыпается» на миллионы лексических связей. В дальнейшем авторской синтагматической системе, построенной при помощи корпусных методов, может быть дана классическая филологическая интерпретация.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, Ю. В. (2014): О «Словаре инноваций Л. Н. Толстого: лексика, фразеология, афористика». Вестник Новгородского государственного университета, 83, 1, с. 56-60.
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, Ю. В. (2015): Синтаксис Л. Н. Толстого как реализация «приема затрудненной формы» в аспекте своеобразия языковой личности писателя (на материале публицистики). Вестник Новгородского государственного университета, 87, ч. 1, с.138-141.
- БЛОХИН, А. В. (2013): Языковые особенности идиостиля писателя (на материале романа Л. Н. Толстого «Воскресение»). Вестник Московского государственного областного гуманитарного института, Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация, № 2, с. 2.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1939): О языке Толстого: (50–60-е годы). Л. Н. Толстой, кн. I, с. 117-220. Москва: Издательство АН СССР.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1961): Проблема авторства и теория стилей. Москва: Гослитиздат.
- ГРИГОРЬЕВ, В. П. (1979): Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. Москва: Наука.
- ЗАДОРОЖНЕВА, Е. В. (2007): Категория сочетаемости в лингвистической науке. Известия ВГПУ, 20 (2), с. 70-74.
- ЛАНСКАЯ, О. В. (2010): Концепт «Дом» как отражение жизни и смерти в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (на материале VIII-IX глав т. 2, ч. 1). Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, 3 (32), с. 182-186.
- ЛОМАКИНА, О. В. (2016): Отражение семантической инноватики фразеологизмов и пословиц в тексте (на материале языка Л. Н. Толстого). Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2, с. 84-93.
- МУХИН, М. Ю. (2010): Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург.
- МУХИН, М. Ю., МУХИН, Н. Ю. (2021): Авторская лексическая синтагматика в системном представлении. Филологический класс, т. 26, 2, с. 103-110.
- МУХИН М. Ю., МУХИН Н. Ю. (2020): Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th-Century Prose: Ural Stylometric Project. Журнал Сибирского федерального университета, Гуманитарные науки, т. 13, 12, с. 2027-2034.
- ПИЩАЛЬНИКОВА, В. А. (1992): Проблема идиостиля. *Психолингвистический аспект*. Барнаул.
- СИДОРОВА, Е. В. (2002): Устойчивые сравнения в прозе Л. Н. Толстого и И. А. Бунина. Культура общения и ее формирование. Воронеж, с. 142-146
- ШАПОВАЛЕНКО, Ю. В. (2009): Лексические средства портретного дискурса (на примере образа Андрея Болконского из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»). Русский язык в системе славянских языков: история и современность. Москва, вып. 3, с. 339-342.

BIBLIOGRAPHY

- ARHANGEL'SKAYA, Yu. V. (2014): O «Slovare innovacij L. N. Tolstogo: leksika, frazeologiya, aforistika». *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 83, 1, pp. 56-60.
- ARKHANGEL'SKAYA, Yu. V. (2015): Sintaksis L. N. Tolstogo kak realizaciya «priema zatrudnennoj formy» v aspekte svoeobraziya yazykovej lichnosti pisatelya (na materiale publicistiki). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 87, ch. 1, pp. 138-141.
- BLOHIN, A. V. (2013): Yazykovye osobennosti idiosilya pisatelya (na materiale romana L. N. Tolstogo «Voskresenie»). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta*, Filologiya, lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 2, p. 2.
- VINOGRADOV, V. V. (1939): O yazyke Tolstogo: (50–60-e gody). *L. N. Tolstoy*, I, pp. 117-220. Moscow: Izdatel'stvo AN USSR.
- VINOGRADOV, V. V. (1961): *Problema avtorstva i teoriya stilej*. Moscow: Goslitizdat.
- GRIGOR'EV, V. P. (1979): *Poetika slova: na materiale russkoj sovetskoj poezii*. Moscow: Nauka.
- ZADOROZHNEVA, E. V. (2007): Kategoriya sochetaemosti v lingvisticheskoj nauke. *Izvestiya VSPU*, 20 (2), pp. 70-74.
- LANSKAYA, O. V. (2010): Koncept «Dom» kak otrazhenie zhizni i smerti v romane L. N. Tolstogo «Vojna i mir» (na materiale VIII-IX glav t. 2, ch. 1). *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, 3 (32), pp. 182-186.
- LOMAKINA, O. V. (2016): Otrazhenie semanticheskoy innovatiki frazeologizmov i poslovic v tekste (na materiale yazyka L. N. Tolstogo). *Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2, s. 84-93.
- MUKHIN, M. Yu. (2010): *Leksicheskaya statistika i konceptual'naya sistema avtora: M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, M. Sholokhov*. Ekaterinburg.
- MUKHIN, M. Yu., MUKHIN, N. Yu. (2021): Avtorskaya leksicheskaya sintagmatika v sistemnom predstavlenii. *Filologicheskij klass*, v. 26, 2, pp. 103-110.
- MUKHIN M. Yu., MUKHIN N. Yu. (2020): Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th-Sentury Prose: Ural Stylometric Project. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*, Gumanitarnye nauki, v. 13, 12, pp. 2027-2034.
- PISHCHAL'NIKOVA, V. A. (1992): *Problema idiosilya. Psiholingvisticheskij aspekt*. Barnaul.
- SIDOROVA, E. V. (2002): Ustojchivye sravneniya v proze L. N. Tolstogo i I. A. Bunina. *Kul'tura obshcheniya i ee formirovanie*. Voronezh, pp. 142-146
- SHAPOVALENKO, Yu. V. (2009): Leksicheskie sredstva portretnogo diskursa (na primere obraza Andrey a Bolkonskogo iz romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir»). *Russkij yazyk v sisteme slavyanskij yazykov: istoriya i sovremennost'*. Moscow: v. 3, pp. 339-342.